

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 18 января 2020

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 18 de enero de 2020

No 3118

ВОСПИТАТЕЛЬ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

К 10-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ГЕОРГИЯ ЛЬВОВИЧА ЛУКИНА

В эмигрантских условиях не было задачи важнее, чем формирование белого духа и русского патриотизма. Вместе с тем не было задачи и сложнее. Но с ней замечательно справлялся создатель Школы и Гимназии Организации Российских Юных Разведчиков в Аргентине Георгий Львович Лукин. Записав в это учебное заведение своих детей, я всегда с неослабным интересом наблюдал за его работой.

И Школа и Организация были хорошо поставлены и обставлены, программы были безупречными, персонал состоял из жертвенных и квалифицированных людей, но всё-таки, в конце концов, залог дела лежал, если не целиком, то в очень значительной степени в личности главного педагога-руководителя Г. Л. Лукина. Он возбуждал интерес к деятельности, заставлял полюбить её, увлечься ею. Он был центром и душой всего дела, от него шли - вдохновение и энергия.

Сей воспитатель-лидер был тем основным рычагом, который степенью своего таланта, усилия и увлечения, путем непрерывной работы, поднимал уровень успешности Школы и Организации.

Он вёл и воспитывал прежде всего психологически заражая воспитываемых и ведомых духовным богатством наполнявшим его собственную душу. Технические приёмы работы педагога суть только формы, которые бессильны что-либо создать не будучи наполнены внутренним содержанием, а это содержание давалось ничем иным как личностью самого руководителя, незабвенного Георгия Львовича Лукина.

Музыкант не может извлечь из музыкальных инструментов истинно вдохновенные звуки при помощи одной только беглости и гибкости пальцев, если дух его скудно одарён.

Как воспитатель, Г. Л. Лукин был тем же музыкантом, только играющим на таком тонком и трепетном инструменте, каковым является детская или юношеская душа. Тут ничего не

достигнешь одними лишь техническими манипуляциями.

Струны детской и юношеской души начинали звенеть в лад с замыслом педагога потому что сам Г. Л. Лукин являл собою сильную духовную личность, невольно заражающую окружающих людей свойствами своих душевных даров.

Он достигал истинно ценных плодов не отдельными разъяснениями и наставлениями, а прежде всего непосредственным и безотчётным влиянием его личности на личность им руководимого. Ум его искрился остротой мысли, а душа была охвачена любовью к своему предмету. Поэтому он оказывал возбуждающее, электризирующее влияние на работу мысли большинства учеников.

Поскольку строй духовной жизни воспитателя дышал нравственной силой, он одним своим присутствием среди воспитываемого им

юношества, сеял в их души семена русского патриотизма и белой принципиальности, благотворно влияя на выработку его характера.

Таким высоким требованиям могут удовлетворить очень немногие педагоги отмеченные “печатью Божией”, педагоги Божьей милостью. Георгий Львович был одним из них.

Он был способен реализовать максимум Достоевского: “Исполните на себе сами, и за вами пойдут”. Был он педагогом пассионарной категории и обладал способностью практически и ментально, напряженно и систематически любить учительство в себе, а не себя в учительстве. Это была исходная и “сквозная” его предпосылка. Ему была прирождена или привита воспитанием та мера упорства, выдержки, энергии в силу которой он являлся лидером.

Alter ego Чехова в его пьесе «Дядя Ваня» говорит вполне определённо: «Убеждения сами по себе, мертвая

буква... Нужно дело делать».

Увы, нередко общественная деятельность русской политической эмиграции, как говорил ещё в довоенном Белграде легендарный белый генерал И. Г. Барбович, сводилась лишь к ПИМ (панихиды-интриги-молебны).

Деятельная страсть обучения русскости, способность быть посредником связи белых поколений в высоком воспитательном ремесле, у начальника ОРЮР Южной Америки сочетались с любовью к детям, потребностью не позволить, чтобы они стали «Иванами родства не помнящими».

Если для родителей учеников заботой было «вывести их в люди», то заботой Георгия Львовича было их «вывести в белые». Он окунал их в эпос антикоммунистической борьбы за Россию.

Главное содержание призвания - любовь. Но не любовь к строительству воздушных замков, не маниловщина и не обломовщина, не «души прекрасные порывы», не «вялая любовь», по выражению Данте, а труд упорный, любовь деятельная. Такая, каковой на протяжении многих десятилетий, с младых ногтей, посвятил себя Г. Л. Лукин, скончавшийся в Аргентине 22-го декабря 2009 года.

И если бы болезнь его не сразила, не допустил бы Георгий Львович захвата Московской Патриархией построенного на лепты белых воинов буэносайресского Кафедрального Собора Зарубежной Церкви. Не устрашили бы его прибывшие в храм чекистские молодчики, сопровождаемые эмигрантом-перевертышем, который орал на беспомощных старушек...

Все это я говорю не в порядке прекраснословия, и как бы принятой по случаю отмечаемых годовщин обрядовости. Оно живо во мне, в моём убеждении.

Вечная память и вечный покой верному сыну Исторической России!

Николай Казанцев

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

4.

Объявление войны и первый поход

За давностью событий и отсутствие у меня каких-либо мемуаров, я не имею возможности в своём рассказе точно вспомнить все даты событий, а потому привожу их приблизительно и буду указывать на них лишь в тех случаях, когда я в этом совершенно уверен.

В последних числах января месяца я был занят пересмотром боевого запаса коейсера и получил приказание старшего артиллериста обменять около 360 штук 8" снарядов в артиллерийском складе, находящихся в минном городке за Гнилым углом в версте от порта.

Этой работой я был занят второй день: приезжали китайские конные подводы, снаряды грузились на них и отвозились в минный городок, откуда я привозил обмененные.

28 января, отправившись с утра со своим транспортом и завершив перемену снарядов, я спешил обратно на крейсер, чтобы поспеть к обеду. Вдруг до моего слуха донёсся пушечный выстрел. Из-за складок местности, рейда и крейсеров мне не было видно, но сердце сказало, что этот выстрел не случайный и, действительно, когда я выбрался со своим караваном к берегу бухты, то увидел на "РОССИИ" поднятый условный флаг, возвещающий начало военных действий.

Пришлось запороть горячку, торопить "ходей", которые настигивали своих слабосильных лошадок, то и дело застревающих в ухабах и рытвинах на льду, однако менее чем через час весь караван подошёл к борту крейсера, снаряды мигмом были подняты на палубу и убраны по своим местам. Оживление на крейсере царило страшное, молодёжь с радостными лицами принимало участие в аврале, озабоченный старший офицер, капитан 2-го ранга Хладковский, появлялся всюду, отдавая приказания и давая различные распоряжения.

Аврал был полный. Точно в взбаламученном муравейнике матросы в своих чёрных бушлатах и зимних китайских меховых шапках носились по крейсеру, раздавались возбуждённые голоса офицеров, боцманов и вся картина с первого раза представляла какой-то беспорядок, недопустимый при аврале ни на каком военном судне. Да ведь и самый аврал был незаурядным! Пришлось освободить крейсер от его зимней одежды: всех этих настроенных избушек на курьих ножках, которые быстро разбивались топорами и ломом, доски, щепы, опилки — всё это летело за борт и нагромождалось на льду вокруг крейсера. Всю бухту и город покрывал дым, валивший из 13-ти труб крейсеров, в спешном порядке разводивших пары и согласно сигнала флагмана готовившихся выйти в море.

Ледокол "НАДЁЖНЫЙ" со всеми портовыми катерами спешно работал во льду, обкалывая его вокруг нас, чтобы дать возможность судам развернуться и выйти из бухты по пробитому каналу для выхода в море, поддерживаемому

всю зиму ледоколами.

За обедом было подано шампанское, старший офицер сказал подобающее слово офицерам и сообщил известие, что Адмирал, несмотря на своё сильно болезненное состояние остаётся на отряде и разделит нашу участь при выходе в море; несомненно "ура" была встречена эта весть.

Перед обедом команде был прочитан приказ об объявлении войны, а также о том, что все штрафы, разжалования и дисциплинарные наказания слагаются и все считаются беспорочно служащими. Энтузиазм царил на всём отряде страшный. К трём часам дня крейсера получили возможность выйти из своих берлог и один за другим перебрались ближе к выходу и стали на якоря в мягко разбитом льду под Эгершельдом. Быстро спустились сумерки и наступила ночная темнота.

На адмиральском корабле было созвано заседание командиров под председательством капитана I-го ранга Рейценштейна; что там происходило мне неизвестно, вероятно был выработан план похода; возвратившись, командир объявил готовность к походу с рассветом.

Вечер в кают-компани был оживлён, так как никто с отряда на берег не съезжал, да и сообщение было весьма затруднительным, два маленьких ледокола только и поддерживали сообщение с флагманским кораблём, отвозя и привозя в береговой штаб всякую телеграфную корреспонденцию.

Конечно, приличествуя случаю, в этот вечер было выпито не мало вина и шумные разговоры, со всевозможными военными предположениями, проектами, планами и т. д. современных Нельсонов с одной или тремя звёздочками на погонах, долго и шумно раздавались в кают-компани, пока старший офицер не разогнал публику спать.

29 января с рассветом, при помощи ледокола "НАДЁЖНЫЙ", отряд вышел в море. Планы и назначения у нас на "РЮРИКЕ" известны не были; наверное командир и был в курсе дела, но держал в секрете и никому маршрута не высказывал.

"РЮРИКЪ", как старой построй-ки, изобилует деревом в громадном количестве. Различные рубки на верхней палубе под мостиками, комфортабельная мебель ад-миральского и командирского помещения, кают-компани и офицерские каюты была из красного дерева и блистали своей чудной полировкой; различные диванчики, пуфы, шкафики, столики обитые кожей, плюшевые портьеры и занавески — создавали тот милый уют, которым отличались старые корабли и делали на них жизнь приятной. Но это всё было хорошо в мирское время, в военное же представляло излишнюю опасность в пожарном отношении и волновало старшего офицера. Он упорно пристал к командиру за разрешением всё это выкинуть за борт.

Командир долго не соглашался погубить столь ценное имущество, предполагая, возвратясь с похода, всё это передать на хранение в порт, чего за срочностью нашего выхода мы не имели возможности сделать

раньше, но старший офицер — человек серьёзный и с характером, был неумолим, доказывая, что если судьба нас бросит в бой на этом же походе, то весь комфорт может послужить причиной нашей преждевременной гибели, наконец, после долгого разговора, командир решил испросить разрешения по семафору избавиться от лишнего дерева, каковое и было получено от Адмирала.

Была вызвана пожарная партия с топорами, ломом и пилами и начался настоящий разгром на корабле. Всё дерево разбивалось, ломалось, отпиливалось и выбрасывалось за борт; из кают-компани и офицерских кают выносились шкафы, шифоньеры и так же целиком летели туда же. Деревянные щиты каютных переборок были разломаны и уничтожены. Одно нам удалось отстоять у старшего офицера — это большую клетку с пернатым царством, вмещающую до 300 птичек различных пород, служившую не только украшением кают-компани, но и не приедающимся развлечением для офицеров, любящих созерцать жизнь своих маленьких друзей, а так как клетка не имела в своей конструкции дерева, то грозный меч старшего офицера её пощадил. Так же были сохранены деревянные щиты бортовой обшивки батарейной палубы, без которой в случае сильных морозов было бы тяжело жить команде в дни якорных стоянок во Владивостоке, но эти щиты были упрятаны далеко в утробу крейсера — в нижние запасные патронные погреба.

Работы было много, но к обеду справились со всем этим разрушением и очистили корабль от нежелательного горючего материала. Но зато, на что стал похож наш "РЮРИКЪ", в особенности в кормовой своей жилой части, я даже затрудняюсь сравнить его с чем бы то ни было. Весь уют пропал, каюты исчезли и лёжа на оставленных койках, мы видели все друг друга, переговаривались, как находящиеся все в одном помещении, а у заснувшего соседа по каюте свободно можно было ногой выбить подушку из под головы. Настроение было пасмурное.

После обеда был сделан сигнал о служении молебствия о даровании победы Русскому воинству и на этом богослужении все усердно молились, загадывая в будущее, что может быть уготовано каждому из нас.

А крейсера тем временем держали путь на восток, следуя в кильватерной колонне, нашим обычным строем, в порядке номеров "РОССИЯ", "ГРОМОБОЙ", "РЮРИКЪ" и "БОГАТЫРЬ", последнего впрочем Адмирал высылал вперёд для разведки и освещения горизонта по пути следования отряда. Курс наш вёл немного южнее входа в Сонгарский пролив, где предполагалась одна из угольных баз японцев в бухте Акита. Всевозможные догадки молодёжи то и дело раздавались в разговорах в кают-компани и мы пришли почти к о единодушному заключению, что Адмирал решил бомбардировать и разрушить эту базу.

(Продолжение следует)

Продолжаю идти путём Врангеля

Станица Урупская, которую Конная дивизия взяла 6 октября... Как она теперь выглядит? Смотрим сверху вниз...

Улица Октябрьская. Улица Воровского. Котовского. Ленина, естественно, она главная. Улица Урицкого. Комсомольская, Крупской, Карла Либкнехта. Улица Коминтерна. Пугачёва, Кирова, Калинина. Пушкин затесался на окраину. Энгельса, Фрунзе, Орджоникидзе. Степана Разина. Чапаева.

Затем врангелевцы взяли станицу Бесскорбную, где барон расположил штаб. Как же это отмечено в современном населённом пункте?

Сразу же, слева-сверху: улица Дзержинского. Ленина. Кирова. Пугачёва. Пролетарская, Комсомольская, Колхозная. Советская, Красноармейская, Коммунистическая. Гоголь как-то влез. Ну, он часто про чертовщину писал. Далее Пушкина и Лермонтова, а следом Урицкого, Степана Разина и Карла Маркса.

И, наконец, Ставрополь. Старинный русский город, один из оплотов православия на Северном Кавказе. Проспект Кулакова (первого секретаря крайкома КПСС при Хрущёве). Улица Орджоникидзе, улица Войкова, рядом улица Ленина (что вообще неудивительно). Улица Чапаева, улица Маркса. Дзержинского. Серова. Лермонтова, Тельмана. Улица 50 лет ВЛКСМ.

«Верил он, настанет время, и опомнится народ...»

Это о Дроздовском. Но и барон в это верил...

А. Борисов

ВЕНГРЫ

В некрологе В. Зарубина (НС 3115) упоминается его участие в Венгерском Восстании 1956 года. За это честь ему и хвала. Однако, впечатление от тех событий было тяжелое и безнадежное. Мы видели с ка-кой механической быстротой советчиками было подавлено восстание целой страны.

Причём венгры - традиционные антироссияне, им было всё равно против какой России бороться; в данном случае борьба совпала с антикоммунистической формой, по существу же и и прежде всего была антирусской. Трудно научить венгров любить Россию - эта вражда старинная. Они всегда участвовали в антироссийских коалициях. Австрийцы - гораздо культурнее и мягче венгров, несмотря на их германскую кровь - к России относились лучше, чем венгры. В тот момент венгры конечно являлись нашими потенциальными союзниками в антикоммунистической борьбе. Но при единичности их выступления - дело провалилось. Да и можно ли было ожидать другого без помощи извне? Венгерское выступление оттянуло 20 советских дивизий и 4500 танков!

Б. Глебов

**Не забудьте внести
подписную плату за
"Нашей Страну" на
2020 год! Новая цена
в Аргентине - 1200
песо.**

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Мне рассказал мой муж, граф Алексей Петрович Коновницын, случай из его детства.

Во время немецкой оккупации в Белграде был голод. Немцы запретили ввоз в Белград продуктов из деревень Баната. Банат это часть Сербии, - богатый сельскохозяйственный край зажиточных крестьян немецкого происхождения, то есть Volksdeutscher-ов, которые проживали также и в некоторых небольших городах вблизи Земуна и Панчева. Для того, чтобы попасть в эти районы и вывезти тайком какие-нибудь продукты, надо было получить разрешение на проезд туда. Некоторым русским удавалось получить такое разрешение по уважительным причинам, как например, навестить больного родственника в Земуне или попасть в русскую больницу в Панчево.

Моей маме удалось получить такое разрешение когда мне понадобилась операция аппендицита в 1942-ом году. Доктор Мокин выдал удостоверение и мы поехали в Панчево. Там в русском госпитале работали знаменитости как д-р Левицкий (который меня оперировал), д-р Мандрусов, д-р Тихомиров, сын известного профессора Тихомирова и сам профессор. Профессор Тихомиров был наш сосед в Белграде, и его жена, Вера Петровна, меня подкармливала когда пациенты приносили доктору продукты в благодарность за лечение. А после операции я у них в Панчеве прожила две недели, отлично питаясь.

Такое же разрешение проехать в Панчево, но по другой причине, выхлопотала и любимая тётя Алексея Петровича, - тётя Таня, и взяла его с собой, а ему было тогда 8 лет. В Панчеве она в пекарне купила несколько белых хлебов (в Белграде в то время продавали кукурузный хлеб «проу», или чёрного цвета такой хлеб, который с трудом можно было разрезать, да еще и мокрый), и положила их в сумку, завернув в полотенце.

Из Панчева они на маленьком

пароходе должны были возвращаться в Белград, но перед тем как войти на судно надо было пройти через заставу, которая проверяла, обыскивая багаж. Это были в голубой форме Volksdeutscher-ы.

Когда их очередь уже подходила близко к проверявшим, тётя Таня дала сумку с хлебом Алексею Петровичу сказав ему, чтобы он быстро пробежал мимо них. Он побежал по трапу, как вдруг один из Volksdeutscher-ов грубо, с «псовкой», выхватил у него сумку с хлебом и ещё ударил ребёнка коленом в мягкое место. Вот какие были эти Volksdeutscher-ы...

Семья Алексея Петровича жила в Белграде на Караджорджевой улице, между главным вокзалом и пристанью, и там всегда что-нибудь происходило.

Мой отец, в форме, - он служил в Русском Корпусе, - и с ружьём за плечом, ездил туда два раза и привёз с собой солёного сала и прекрасный сыр.

Моя мать кормила наших кур отрубями и у нас были яички, которые хватало и нам и знакомым. Приходилось подрезать курам крылья, чтобы они не перелетели в чужие дворы к соседям. И надо отдавать должное соседям, сербам, никто никогда не взял без спроса ни одного помидора с нашего огорода.

А как раз по соседству с двух сторон жили сербские девочки, с которыми я всё время общалась. В нашем дворе росло шелковичное дерево и Ольга, сербка, девочка года на два старше меня, научила меня собирать шелковицу. Она влезла сама со мной на дерево и ела ягоды. Это тоже было питание. А по другую сторону, тоже девочка-сербка приходила к нам и её мать давала мне груши с их дерева. Другая наша соседка-сербка, запекала свиную голову с картошкой и тоже угощала меня этим деликатесом в то время.

В то голодное время не было ни молока, ни мяса, ни всего того, что является питанием. Для того, чтобы купить хотя бы какие-нибудь продукты, моя мать

вставала в три часа утра, чтобы получить хотя бы конину. Около Русского Дома открылась лавка где продавалась говядина, и нехватало мяса на всех желающих купить, так что моей матери надо было простоять в очереди с четырех часов утра, чтобы не услышать: «Мадам, мяса больше нет!» А конина, между прочим, была «с душком», так что заткнув нос и то - трудно было её проглотить.

А вот и второй случай, который мне рассказал муж. Иногда из Баната приходило судно-канонерка и причаливало к берегу. Алексей Петрович наблюдал как это происходило, они ведь жили около пристани и многое было видно оттуда. Капитан этого судна отворачивался от сербских жандармов, в обязанность которых было осматривать то, что привозили пассажиры, а это были преимущественно сербы, которые ездили в Банат и привозили полные корзины и сумки набитые провиантом. Этот капитан был человеком!

А вот еще. Mathausen в Австрии. Концлагерь. Совсем рядом - палатки беженцев, которые выехали из Белграда накануне вторжения красных, когда немцами был предоставлен целый эшелон для семейств Корпусников. Покинув Белград они очутились вот в этом лагере. Палатки примерно на 100 человек. Шли проливные дожди. Всюду была грязь и слякоть. Их начальством были Volksdeutscher-ы, и видно было всё, что происходило в концлагере. С заключенными было воспрещено общаться. Однажды Алексей Петрович присутствовал при выводе под конвоем советских военнопленных. Они были в каких-то полосатых пижамах, хотя холод был страшный. По той дороге, где их вели, росли дикие груши, которых в рот нельзя было взять, они набивали оскомину, но эти несчастные бросались на них и с жадностью грызли эти терпкие фрукты.

На следующий день женщины, мужья которых были в Русском

Корпусе, выстроились по обе стороны дороги, по которой вели заключенных. Они ожидали выхода этих военнопленных и забрасывали им в руки куски хлеба, который те с жадностью ловили и ели. На следующий день начальник палатки, который тоже был Volksdeutscher, выстроил всех жителей палатки, ему было лет под 60, и промолвил: «Если ещё раз такое повторится, то все вы сами попадёте в концлагерь».

Мы выбрались из Белграда 6-го сентября 44-го года. Отец пришёл в форме и с ружьём в пять часов утра, чтобы проводить нас в Русский Дом, около которого стояли уже подводы на лошадях. В семь часов был назначен отъезд - ведь был так называемый полицейский час. По городу было запрещено выходить раньше семи утра, а то грозили стрелять. Мы простились с отцом и я смотрела как он долго стоял и смотрел нам вслед.

В Земуне нас высадили. Вскоре мы услышали знакомый звук бомбовозов, и увидели как горел Белград, когда уже стемнело.

Нам подали товарный поезд. С нами в одном таком вагоне была еще одна женщина с девочкой. Мы устроились в одном конце вагона, а они в противоположном. Этот поезд ехал медленно и когда он останавливался все выскакивали поскорее из вагона и прятались в кустах. Потому что налетали аэропланы и обстреливали поезд из пулеметов. Где-то уже в Венгрии нас пересадили в пассажирский поезд, но и тут оказалось, что когда мы были уже вблизи от Вены, нам было объявлено, что вокзал разбит, и мы должны идти пешком по рельсам до города.

В Вене мы прожили до декабря, ходили в храм, построенный еще Царским Правительством для русских туристов, и несмотря на ежедневные бомбардировки, я умудрилась попасть на Prater, и не один только раз. На этом колесе сверху виден весь город...

Графиня Елена Коновницына

Осколки...

По полученным данным, глава одного из «осколков» РПЦЗ митрополит Филарет Второй (Семовских) запретил в служении архиепископа Филарета Рожного и епископа Зосиму Мороза.

И слава Богу, если это так, - добавим от себя. Удивительно сколько выскочек пытаются облечься в благородную Зарубежную тогу, после понесённого нашей Церковью двадцать лет назад землетрясения.

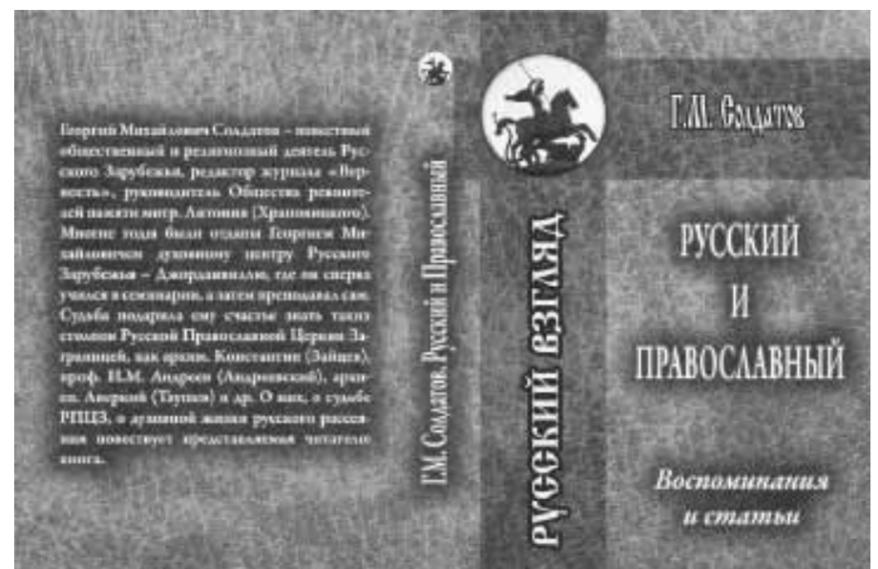
Но до некоторой степени сами несём за это ответственность. А это же ведь не так уж трудно: стоит просто договориться, да и договариваться даже не надо: достаточно констатировать КТО считает, что исторический путь Зарубежной Церкви был правильным и что преступно с этого пути сходить. Тут всё сказано. Понять, что гордая самоизоляция ни к чему доброму привезти не может. Разве только, что гордой поступью идти в свою могилу, которая не так уж далеко от каждого из нас находится. Вот тогда уж будет «радость велия» всем нашим врагам. Но будет уже поздно.

Поэтому большую ответственность перед Историей будет нести каждый кто отказывается брать протянутую руку.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

От Редакции: 13 октября 2015 года в Знаменско-Петропавловском храме в селе Амосовке Курской области после всенощного бдения состоялась интронизация «Первоиерарха РПЦЗ Митрополита Филарета Второго» - в миру Петра Ивановича Семовских, проживающего в Австралии. 12 августа 2019 года в Знаменско-Петропавловском храме села Амосовка Курской области в сослужении епископов Ахтырского и Малороссийского Серафима (Корабельского) и Восточно-Российского Филарета (Рожнова) совершил хиротонию Зосимы (бывшего протоиерея Московской Патриархии Алексиса Мороза) во епископа Санкт-Петербургского и Северо-Российского.

НОВАЯ КНИГА Г. М. СОЛДАТОВА

Книга выпущена российским издательством "Традиция". За справками обращаться по э-адресу: georgessoldatow1@yahoo.com Георгий Михайлович ещё в Германии стал инструктором Организации Российский Юных Разведчиков (ОРЮР). Переехав в США был принят в Русский Обще-Воинский Союз. В 1960 году сотрудник "Нашей Страны" создаёт в Чикаго Организацию Российских Патриотических Разведчиков ((ОРПР; слово «патриотических» было позднее заменено на «православных») под покровительством РОВСа, князя С. С. Белосельского-Белозерского и Чикагско-Детроитской епархии РПЦЗ. Г. М. Солдатов был не только первым начальником ОРПР, но и на протяжении двадцати лет редактором журнала сей организации «Костёр Разведчика». Он автор восьми книг на русском и английском языках. Сердечно поздравляем его с выпуском девятой!

Антон ВАСИЛЬЕВ

Отрывок из романа «Пётр Врангель»

ПРОТИВНИКИ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

С началом октября красные начали отход с берегов Лабы, остановившись на линии Армавир – Синюхинская – Чамлыкская – река Чамлык, а под напором 3-й пехотной дивизии дроздовцев оставляли уже и северные предместья Армавира.

Город быстро эвакуировался, отправляя обозы и эшелоны на Святой Крест и Невинномысскую.

Ряд красных частей в городе митинговал, не желая защищаться.

Разведка сообщала, что Армавир опоясан двумя линиями окопов с севера, запада, юга и юго-востока, окопы идут и вдоль левого берега Кубани. Особенно сильно город укреплен с севера и северо-запада. Добровольцы с вечера первого октября атаковали вдоль полотна Владикавказской железной дороги, охватывая город с запада и, от станицы Прочноокопской – с востока.

Взятый в плен старший красный командир Георгий Захарин на допросе показал, что снарядов и патронов в Красной Армии очень мало, а единственный бронепоезд подбит под Курганной.

Первого октября Покровский взял станицу Лабинскую, повесив около 30 большевиков, уличенных местными жителями в грабеже. В подобных делах бывший лётчик не задумывался: красные убили всю его семью.

Четвёртого октября в плен попал командир 2-го Павлоградского полка, с ним 535 бойцов и обоз с продовольствием. У станицы Вознесенской добровольцы захватили до тысячи винтовок, около ста обозных повозок и санитарных линеек. Среди убитых красных было множество китайцев.

Захарин и пленный командир павлоградцев, бывший прапорщик 477-го Калязинского полка, показали, что красных войск на фронте Добрармии до 120 тысяч, включая беженцев. Командуют Сорокин, Петренко, Гайчанц и Полуян. Объявлен общий отход на Святой Крест, ввиду недостатка боеприпасов и обмундирования.

Денег в частях нет, бойцы не получали довольствия по три месяца. Большевики усиленно реквизируют одежду у населения, отбирая даже церковные ризы и женские платья. Боевой дух весьма низок, и красные части формируются на новых началах: комитеты отменены, выборное начало упразднено. Во многих частях цинга и холера.

Приказ № 25 по 1-му Полтавскому Революционному полку от 28 сентября.

На левом фланге во время действия Рогачёвского полка 4-я рота в составе 200 человек сдалась в плен кадетам по какому-то неизвестному умыслу изменников трудового народа. Предлагаю строго следить за таким выступлением. Командир полка ЛИТВИНЕНКО

Иван Сорокин был одним из немногих краскомов, умевших атаковать не только человеческой

кашей, но и манёвром. По правде сказать, в восемнадцатом году это было не слишком сложно.

Добрармия, ведя пехотный бой преимущественно немногими офицерскими полками, всё время имела у себя на флангах открытые угрожаемые пространства, куда беспрепятственно могли выходить превосходящие силы красных.

Поэтому белых сплошь и рядом спасала конница, державшаяся уступом за пехотными флангами, обеспечивая стойкость пехоты и зачастую решая исход боя. Сражаясь на огромных пространствах Дона и Кубани, постоянно совершая переходы и широко маневрируя, белые войска зачастую не имели даже артиллерийской поддержки: их редкие батареи были слишком далеко друг от друга... И снова выручала конница. Везде, где только можно, добровольцы создавали конные части.

Ближайшей целью добровольцев было уничтожение Сорокина, чью армию планировалось зажать между предгорьями Кавказа и рекой Кубань. Но сил не хватало... Добровольцы били войска красных, но на пути тут же вставали другие, свежие.

За последние недели Святой Крест сделался главной базой советских войск, и Сорокин планировал собрать там наиболее сохранившиеся в боевом отношении части, чтобы вновь выступить на Кубань и Терек. Он расформировал отряды Жлобы, Дудника и Лисконога, раскидав их личный состав по девяти полкам и доведя каждый из них до 1200 штыков и сабель.

РВС Южного фронта приказывал: «Командующему войсками товарищу Сорокину, закрепившись на удобных позициях по фронту: Апшеронская, Бжедуховская, Михайловская, Рувкевичи, Армавир, Невинномысская, выделить до 15 тысяч штыков с достаточной кавалерией и артиллерией, перебросить их в Ставропольский уезд к селу Винодельному, где, влившись в Ставропольские войска, выделить ударную группу, каковую, разделив на центр, левый и правый фланги, подготовить для операции. Основное направление – Батайск и Ставрополь».

Назначение Ивана Лукича главнокомандующим красноармейцы, пережившие екатеринодарский драп, встретили с неудовольствием, говоря, что он – изменник революции и всех их продал «кадетам» по 13 рублей 50 копеек с головы. Вдобавок, главнокомандующим комиссара Майкопского отдела Урюпина, заявившего, что Сорокин продал белым Екатеринодар и Усть-Лабу.

Полностью лояльными Сорокину оставались лишь три тысячи бойцов, находившихся при нём в родной Петропавловской станице. А ведь ещё недавно к нему рвалась на соединение Таманская армия.

Как доселе пишут в статьях о Гражданской войне – «имя этой боевой единицы овеяно славой». Давайте же, восхитимся её боевым путём! Боевая единица попросту плюнула

на приказ главкома об отходе из Темрюка и разогнала штаб Таманского фронта, причём бойцы славного соединения избили командующего фронтом, «товарища» Ойцева, поставленного лично Сорокиным. Через 3 дня Виктор Покровский взял Темрюк, красные части сдались, Ойцев скрылся в неизвестном направлении.

Славная, по мнению многолетних исследований, армия отошла к Новороссийску, но вскоре и его бросила без боя, со всеми складами и лазаретами, двинув вдоль черноморского берега на юг.

Анабазис проходил по неплохим, к слову, курортным местам. В Геленджике, посовещавшись, создали собственно Таманскую армию с командующим Матвеевым, начаьником штаба Батуриным и политкомиссаром Ермаковым. Через три дня Ермаков сошёл с ума и его заменили Кичой (хорошая фамилия для коммуниста).

Двигаясь дальше на юг, армия захватила Архипо-Осиповку, изрубила в ней 60 «буржуев» (ну славная же боевая единица!) и под Туапсе столкнулась с небольшим грузинским отрядом Мазниашвили. Последний оперировал вдоль железной дороги между Туапсе и Белореченской, помогая оружием восставшим кубанцам.

Но примерно 800-900 грузин и добровольцев-казаков не смогли оказать серьёзного сопротивления 30-тысячной орде, которая ломилась вдоль берега моря, таща за собой огромный обоз с домочадцами, солдатскими «прости, Господи» и «реквизированным» у буржуев добром. Грузин быстро выбили из Туапсе, отбросив до реки Шахе, после чего заняли город на пять дней.

Как целомудренно вспомнит в мемуарах командир 1-й колонны таманцев Ковтюх, славная боевая единица в Туапсе «отдыхала» с 1 по 5 сентября, это же утверждал и советский историк Янчевский в двухтомном труде «Гражданская борьба на Северном Кавказе».

Я охотно верю пламенным борцам за моё светлое будущее, но на всякий случай посетил военный архив. Чтобы отдых был культурнее, красные командиры устроили ряд заседаний, по поводу страшных грабежей в Туапсе, кои совершали краснознаменные Павлоградский и Крымский полки (последним командовал бывший батрак и будущий маршал, Семён Тимошенко). На одном из них, 3 сентября по ст. ст., в присутствии Матвеева и Батурина, напрямую говорили, что Таманская армия медленно, но верно распадается, так как мародёрство поглощает её.

- Какие будут предложения, товарищи? – спросил командарм, выслушав докладчиков.

И предложение поступило: с целью поднятия боеспособности армии, учредить при ней карательные отряды. Ну, не общество же любителей орхидей учреждать, в самом деле!

Отдохнув в Туапсе, славная армия ушла из разорённой Черноморской губернии через Гойтхский перевал на пока ещё изобильную Кубань. Кубанские «трудящиеся казаки»

шли в Таманскую армию не слишком охотно: комиссары не верили любым казакам, даже самым трудящимся. Исполком Таманского Совета даже послал Батурина роту пехоты и предписал принять самые энергичные меры для разоружения станицы Петровской и мобилизации населения от 20 до 43 лет. Это так напугало красных командиров, что Матвеево воинство приостановило мобилизацию казаков, оставив разнарядки лишь для иногородних.

В Таманской армии творились экзекуции, заставляющие вспомнить сюжет рассказа Льва Толстого «После бала».

По приговору Чрезвычайки 1-й колонны таманских войск от 10 октября, «за хулиганские выходки и грубое требование отчёта с военного коменданта Армавира», товарищу Сотникову отпустить 150 плетей, по 50 ежедневно, также товарищам Кузмину, Баранову и Головки, товарищам же Щербакову, Арестенко, Бяртошеву и Крюкову – по 25 плетей. Исполнение привести поручаю товарищам 1-го и 2-го эскадрона карательного летучего полка».

Апотомпоровшие товарищи пугали выпоротых товарищей, что идут господа и несут крепостное право.

Епифан Ковтюх, выходец из бедного трудового народа, вчерашний батрак, подпишет приказ № 19 от 12 декабря 1918 года, предусматривающий порку советских бойцов плетью за нарушение комендантского часа или незнание гарнизонного пропуска.

Старый екатеринодарский большевик, комиссар армии Ивницкий распишется рядом. Пороть строителей коммунизма – это же в порядке вещей.

Конечно, если гордый советский человек, борец за счастье угнетённых трудящихся всей земли, не хотел ложиться без штанов на лавку – не царский холоп какой-нибудь – он мог откупиться тремя тысячами рублей. Но не у всех они были. Даже после отдыха в Туапсе.

П р и к а з № 3 1
По 1-му Советскому Летучему полку «Борец за свободу», 25 октября 1918 г. (орфография оригинала сохранена.)

В то время, когда на Таманскую армию, как истенную защитницу трудового народа, устремлены все взоры, подлые душонки, коих наводящие панику, в местах же занятых нами производят безчинства разнообразного в духе коверкая то, что до ныне принадлежит трудовому народу, забывая и стыд, и совесть. Всему Командному составу предписываю объявить бойцам, что каждый, захваченный на месте разбоя, грабежа, реквизиции, не имея на то мандатов (!! Прим. авт.) будет расстреливаться. Командир 1-го Советского Летучего полка «Борец за свободу», тов. АБРАМОВ.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВНЕСТИ
ПОДПИСНУЮ
ПЛАТУ ЗА 2020 ГОД**